

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Юлия АЛЕЙНИКОВА

**Проклятие
Ивана Грозного
и его сына
Ивана**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

Оформление серии *С. Курбатова*

Алейникова, Юлия.

А45 Проклятие Ивана Грозного и его сына
Ивана / Юлия Алейникова. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Артефакт
& Детектив).

ISBN 978-5-699-87371-5

Многие современники Ильи Репина полагали, что невероятный талант гения живописи несет его моделям скорую смерть... Так умерли вскоре после позирования Репину композитор Мусоргский, врач Пирогов, поэт Федор Тютчев. Трагически закончилась жизнь писателя Всеволода Гаршина, послужившего прообразом царевича Ивана для картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Даже этюд, написанный Репиным с Гаршина, обрел часть мистической силы, свойственной этому невероятному по силе и выразительности полотну... Варвара Доронченкова работает в небольшой фирме, занимающейся торговлей произведениями искусства, ее коллегу Сергея Алтынского знакомые приглашают оценить картину, доставшуюся хозяевам по наследству. Каково же было его удивление, когда выяснилось, что это пропавший еще до революции портрет Всеволода Гаршина работы Репина. Не успела фирма порадоваться открытию, как полотно исчезает, Сергея Алтынского арестовывают по подозрению в краже, а спустя два дня он тонет при загадочных обстоятельствах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю., 2016
© Оформление.

ISBN 978-5-699-87371-5

ООО «Издательство «Э», 2016

Бойтесь кисти живописца — его портрет может оказаться более живым, чем оригинал.

Корнелий Агриппа Неттесгеймский

Пролог

Май 1888 г.

Какими глаза вышли пронзительно-обреченными, и столько в них тоски и смертной муки, словно угадал Илья Ефимович будущую судьбу своего друга, словно накаркал, — вздыхал художник, глядя на стоящий на подрамнике этюд, написанный им со своего недавно почившего друга литератора Всеволода Гаршина.

Ах, боже мой! боже! Отчего так тяжело, отчего так горько? И ведь какой светлый, какой кроткий, какой талантливый человек ушел. Может, и правда это он виноват, сглазил, вытянул живую душу из человека и в полотно запрятал? Уж и так про него слухи поползли.

Привычно поглаживая рукой холеную острую бородку, грустно размышлял Илья Ефимович Репин, стоя перед портретом своего друга.

В обеих столицах натурщики с ним работать боялись. Хотя Модест Петрович Мусоргский и без того был плох, когда портрет с него писался, а все ж злые языки не преминули вспомнить, когда Гаршин скончался, что и Мусоргский умер после того, как Репин с него портрет написал. А Пирогов? Ну не от сгла-

за ведь помер он, от рака. А уж что про мужиков болтали, с которых он своих «Бурлаков...» писал, и вспоминать тошно. И мор-де на них черный напал, и одного за другим их нечистый прибрал, и всякую прочую чушь говорили.

Недавно одну бабу на улице встретил, хотел рисунок с нее сделать, три рубля предлагал. А она как услышала, с кем говорит, закрестилась, плюнула ему под ноги и антихристом назвала. Было неловко и обидно.

Илья Ефимович отошел от портрета Всеволода Михайловича Гаршина, того самого, которого взял за основу при создании образа царевича Ивана для картины «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.», обнял себя, с грустью вспоминая их последнюю встречу.

А обреченность на гибель еще при знакомстве читалась в лице его друга, тонком, прекрасном, таком одухотворенном.

Размышлял Илья Ефимович: «Как странно и как быстро все случилось. Мог я помешать, предотвратить?»

Неизвестно.

Илья Ефимович закурил, он вспомнил, как встретились они с Гаршиным случайно в Гостином дворе за неделю до трагедии. Их последняя встреча. Всеволод Михайлович был грустен, убит, расстроен. Вспомнилось, как он плакал в тот день, перед прохожими было даже неудобно. Как прятал слезы. И тоска в глазах, тоска и страх потерять рассудок. А Илья Ефимович очень его жалел, советовал из Петербурга уехать, развеяться, отвлечься. И ведь

собирался же Всеволод Михайлович, собирался же. Двух дней не дождал до отъезда. Выбросился в лестничный пролет. Выбежал из квартиры, и... Илья Ефимович потерял глаза, словно боясь навернувшихся слез. Лицо дорогого друга стояло перед ним как живое, с обычным кротким сиянием лучистых, восторженных глаз. Вспомнились его слова, крик души.

— Знаете ли, я всего больше боюсь слабоумия. И если бы нашелся друг с характером, который бы покончил со мною из жалости, когда я потеряю рассудок! Ничего не могу делать, ни о чем думать... Это была бы неоценимая услуга друга мне.

Нет. Слишком тяжело было вспоминать, слишком свежа еще потеря. Илья Ефимович вздохнул, подошел к портрету и завесил его куском темного шелка.

Дверь кабинета со скрипом приоткрылась. Заглянула горничная, глуповатая, недалекая девица с толстой косою до пят.

— Ну, чего тебе? — устало спросил Илья Ефимович. — Ведь говорил же, не беспокоить меня.

Горничная помялась и, похлопав большими, какими-то по-коровьи бессмысленными влажными глазами, сообщила:

— Так барышня к вам.

— Какая барышня? Я же говорил, занят, не принимаю никого, — ворчливо ответил Илья Ефимович, сердясь на бестолковую девицу. И домашних, как на зло, никого нет.

— Барышня незнакомая, а что не принимаете, я говорила. Так она плачет, настаивает, про господина Гаршина что-то упоминала, только я не разобрала что. Тихо говорила, да и вообще не понять.

При упоминании Всеволода Михайловича Илья Ефимович отчего-то разволновался, вскочил из кресла и стремительно вышел в прихожую.

В прихожей и впрямь стояла барышня. Бледная, с пышно взбитыми русыми волосами, в черной маленькой шляпке с пером и вуалью. Лицо ее округлое, с по-детски пухлыми щечками и маленьким, собранным бантиком ротиком не имело ничего общего с обликом покойного Всеволода Михайловича.

«А почему, собственно, оно должно иметь что-то с ним общее?» — с разочарованием спросил сам себя Илья Ефимович, напридумывал себе чего-то, нафантазировал за секунду, вот что значит художественная натура. Криво усмехнулся и спросил у незнакомки:

— С кем имею честь? — сухо зато спросил, даже чуть высокомерно.

— Савелова Елизавета Николаевна, — скороговоркой представилась незнакомка и сразу же без прерыва продолжила: — Вы меня не знаете, но я очень близкий друг Всеволода Михайловича. Была его другом, — поправилась, шмыгнула носом, поднесла к лицу зажатый в кулачке платочек. — Могу я с вами поговорить? — И быстро взглянула на горничную, стоявшую за спиной Ильи Ефимовича. — Это очень, очень важно. Я все объясню.

Репин сердито взглянул на горничную, потом на посетительницу. И после секундного замешательства сделал приглашающий жест в сторону кабинета, потом спохватился, предложил снять гостье жакет.

— Итак, сударыня? — присаживаясь в кресло напротив гостыи, по-прежнему сдержанно спросил Илья Ефимович.

— *Вы не знаете меня, я думаю, он даже никогда не рассказывал обо мне, но мы были очень близки. Очень. — Елизавета Николаевна старалась говорить сдержанно, но волнение то и дело прорывалось в ее голосе, и взгляд, очень тревожный, чуть испуганный, выдавал ее внутреннее состояние. — Я знаю, вы человек современный и не осудите меня. — Снова платочек оказался возле лица и крепко сжатая в кулак ладошка. — Мы любили друг друга. Да, да, — видя на лице Репина готовность возразить, поспешила заверить гостя. — Я знаю, теперь он женат. Но мы познакомились с ним в тысяча восемьсот восьмидесятом, у Писаревых. Он был тогда очень плох, одинок, потерял. Скитался. А потом вот у Писаревых... Я была очарована им, таким тонким, мятущимся, сперва это была жалость, потом любовь. Взаимная любовь, — прижимая к груди кулачки, горячо уверяла она Илью Ефимовича. — Я верю, что во многом благодаря мне он отошел тогда от края безумной бездны, все больше затягивавшей его. — Голос Елизаветы Николаевны дрожал, словно речь шла о событиях недавних, еще не утративших живой остроты. — Жениться он не хотел, не желал связывать меня, боялся своей болезни. Глупый. — Она горько покачала головой. — Я была бы рада, просто счастлива. Потом была психиатрическая лечебница в Харькове, брат его туда поместил, потом Всеволода Михайловича увезли на лечение в Петербург. Меня просили не писать ему, дать ему забыть о том печальном периоде, о его болезни. Я послушалась. Все надеялась, что он сам напишет, позовет. Но нет. Забыл, наверно, вместе с болезнью. А потом я узнала, он женился. И вот теперь ...*

Слезы, тихие, прозрачные, тонкими дорожками побежали по ее щекам. Илья Ефимович завозился в кресле, отводя глаза, ужасно жалея эту милую, славную девушку, впрочем, уже и не девушку, а взрослую, зрелую женщину. Не знал, что сказать, как утешить.

Но Елизавета Николаевна сама смогла взять себя в руки.

— Вы простите, что пришла к вам, но я когда узнала, что Всеволод Михайлович ... — сглотнула она страшное слово, — сразу приехала. На кладбище была. Хотела с Евгением Михайловичем встретиться, просто поговорить, расспросить... — Глаза Елизаветы Николаевны были несчастными и виноватыми, — но там я узнала, Надежда Михайловна, жена... то есть сестра ее, то есть... Вы понимаете?

— Конечно, конечно, — закивал головой Илья Ефимович. Всеволод Михайлович и его брат женились на родных сестрах, потому, конечно, и неловко.

— Я знаю, он был дружен с вами. Я видела вашу картину «Иван Грозный...». Потрясающе! И царевич Иван! Как точно вы разглядели отчаянную обреченность, свойственную Всеволоду Михайловичу. Я потом неделю спать не могла. Так и виделась мне темная комната, и он на залитом кровью полу. Только я все не царевича Ивана видела, а самого Всеволода Михайловича. И вот теперь ... — Она снова всхлинула. — Расскажите мне, умоляю вас, как это случилось. Я должна знать! Прошу вас, умоляю! В газетах ничего нет.

Илья Ефимович рассказал, сам едва сдерживая слезы, суховаты, немного отрывисто от волнения.

За окном сгустились прозрачные, летние петербургские сумерки. Легкие, неуловимые, нерешительные, словно тончайшей серебристой кисеей накрывшие город. В комнате было тихо, даже легких вздохов Елизаветы Николаевны не было слышно. Они сидели так минут пять, думая о дорогом для них обоих человеке, вспоминая каждый о своем.

Наконец Елизавета Николаевна поднялась. Протянула руку, прощаясь.

— Благодарю вас, и простите меня, — сказала и закусила губу, медля выпускать руку Ильи Ефимовича. — Я знаю, что не имею права, но... У меня не осталось от него ничего, только несколько писем. Я думаю, вы понимаете, он навсегда останется для меня единственной любовью. Эти восемь лет и его смерть ничего не изменили. Я люблю его, люблю, как тогда. Хотя это, наверное, и глупо.

Илья Ефимович накрыл своей ладонью ее маленькую прохладную руку, словно в знак утешения.

— Что я могу сделать? — спросил он тихо.

— Может, у вас есть рисунок, набросок с него? На память, — нерешительно промолвила Елизавета Николаевна, доверчиво заглядывая в глаза художника.

Илья Ефимович решительно шагнул к портрету, сорвал с него темный шелк и, сняв с этюдника, протянул Елизавете Николаевне.

Глава 1

арвара! — Голос шефа звучал неприятными пронзительными нотами, рассекая Варины барабанные перепонки, словно острыми лезвиями. — Ты оценила, наконец, коллекцию этой старушенции? Как там ее?..

— Половодникова Зоя Спиридоновна, — подсказала Варя, отступая подальше от шефа.

— Именно. Ну? — Шеф двинулся следом за Варей, но визжать, к счастью, перестал.

Вообще-то у Александра Арнольдовича был вполне приятный голос, а в отдельные моменты, когда в разговоре с клиентом речь заходила о суммах с пятью и шестью нулями, в нем даже появлялись глубокие бархатистые ноты. Но вот в общении с подчиненными этот голос давал какой-то странный, необъяснимый сбой, что-то вроде нервного спазма, и становился отвратительно визгливым. Ну, просто как железом по стеклу.

Сейчас шефа, кажется, отпустило, и Варя, ослабившись, плюхнулась на свое рабочее место.

— Коллекцию осмотрела, есть несколько интересных рисунков, одно полотно предположитель-

но кисти Ладюрнера. То ли гусары, то ли драгуны. В общем, типичная сценка с военными, — докладывала Варя, закатив глаза к потолку, чтобы не забыть чего важного.

— Что значит предположительно? Нам за «предположительно» не платят, — недовольно заметил Александр Арнольдович, одергивая твидовый жилет. — Ты с отцом консультировалась?

— При чем здесь мой отец? — тут же резко сменила тон Варя, взглянув на шефа сузившимися недовольными глазами. — Определение авторства требует более тщательного исследования, только и всего. А я эту картину всего один раз в руках подержала, состояние полотна так себе. Говорит, они его на даче прятали в трудные годы. И вообще... — Варя приготовилась разразиться длинной тирадой на тему собственного профессионализма, но шеф ее выступлений слушать не стал, а перебил новым вопросом:

— Еще что-то интересное было?

— Так, по мелочи. Часы каминные, две вазы, мелкая пластика, — недовольно буркнула Варя, все еще пытаясь, как паровоз, и бросая на Каменкова сердитые взгляды.

— Ладно. Опиши мне сегодня на стол, — задумчиво протянул Александр Арнольдович, — пошлем к ней Сергея. Пусть поторгует, заодно и полотно осмотрит. Серега?

Каменков обернулся к сидящему у него за спиной молодому человеку неблагонадежной наружности.

Сергей Алтынский, бородатый, точнее давно не бритый, слегка неряшливый и, как всегда, бла-

годушный, сидел, вальяжно развалился в рабочем кресле. Иначе он сидеть не умел. Он всем своим обликом и образом жизни поддерживал имидж «свободного художника», который органично лег на его недисциплинированную и бесхарактерную натуру еще в юности и намертво прирос к его теперь уже устоявшейся личности.

— Аюшки? — обернулся Сергей на начальственный оклик.

— Навестишь старушку?

— Без проблем, но не сегодня. Приятели подрядили картину какую-то посмотреть, у знакомых знакомых. Хозяева обещали проставиться. Так что сегодня я пас. А вот завтра на здоровье. Где бабулька проживает? — обернулся Сергей к Варваре.

— На канале Грибоедова, — буркнула Варя.

Что, она сама не может с Зоей Спиридоновной договориться? Они уже, можно сказать, подружились, и вообще, это она Половодникову нашла. А точнее, Половодникова ее нашла. Через папиных знакомых. Но это не важно, потому что обратились именно к Варе, а не к папе. И при чем тут, спрашивается, Сергей? Да, может, Зоя Спиридоновна с ним даже разговаривать не захочет, при ее-то патологической недоверчивости и скрытности. Она Варе свои сокровища по одному при каждой встрече предъявляла и клялась, что больше ничего точно нет. А в следующий раз зайдешь, а у нее еще что-нибудь припасено. Очень странная особа. Так что возможно, что Серегу с его бородой никто и на порог не пустит.

Впрочем, нет. Серегу как раз пустят, вздохнула Варя. Алтынский обладал невероятным, необъяс-

нимым обаянием, которое особенно эффективно срабатывало на пожилых женщинах, и его небритая физиономия, и мятый поношенный пиджак неопределенного цвета, и вытертые бесформенные джинсы никак этому не мешали.

Варя еще раз вздохнула.

— Варвара, дай ему адрес и телефон старухи и предупреди Половодникову, — велел шеф и снова обернулся к Сереге: — Во сколько ты к ней заедешь?

— Давай в час, — решил Серега после короткого размышления. — Выплюсь с утра, может, даже побреюсь и двину к ней.

Каменков кивнул и скрылся в кабинете. Варя сердито плюхнулась на свое рабочее место. Когда начальство покидало их кабинет, она вскочила со стула, словно школьница перед учителем. А все проклятое воспитание и неуверенность в себе.

— Ты чего киснешь, Варвара? — подмигнул ей Алтынский, добродушно улыбаясь. — Из-за Половодниковой? Так не парься. Ты основную работу провела, старуху нарыла, а наше дело — вдове. Судиться, рядиться, торговаться. Ни радости, ни доблести. Превратился я из искусствоведа с большой буквы «И» в старьевщика, — плачущим голосом простонал Серега, потом энергично выпрыгнул из кресла и, поклонившись на три стороны, бодро попрощался: — Ну-с, господа, мне пора, меня ждут запеченный гусь и полотно неизвестного автора. Наверняка какая-нибудь чушь. Но хоть пожру на халяву. Чао!

И он удалился.

Варя взглянула на часы, остальные, как по команде, тоже.